

16. Brusenskaya, L.A. Uchebniy slovarj lingvisticheskikh terminov / L.A. Brusenskaya, G.F. Gavrilova, N.V. Malihcheva. – Rostov-na-Donu, 2005.
 17. Becher, J.R. Abschied. – Berlin und Weimar: Aufbauverlag, 1969.
 18. Krupkat, G. Nabau. – Berlin: Verlag Das neue Berlin, 1970.

Статья поступила в редакцию 10.01.12

УДК 81'373.211.1

Ganova S.V. **CONCEPTUALISACION OF OIKONIMS.** In this paper is considered the question about possibility and features of conceptualization of oikonims. The research resting upon the analysis of phraseological units and the data of associative experiment allows model a mental image of oikonim at language consciousness.

Key words: oikonim, concept, conceptualisacion, phraseological units, associative experiment, language consciousness.

С.В. Ганова, аспирант Алтайской гос. академии образования им. В.М. Шукшина, г. Бийск, E-mail: ganovasvetlana@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОЙКОНИМОВ

В работе рассматривается вопрос об особенностях концептуализации ойконимов. По результатам исследования (анализа фразеологических единиц и данных ассоциативного эксперимента) выявляются специфические черты вербализации, структурной организации и функционирования ойконимических концептов.

Ключевые слова: ойконим, концепт, концептуализация, фразеологические единицы, ассоциативный эксперимент, языковое сознание.

Лингвистическая наука изучает топонимы в различных аспектах. В рамках традиционного, системного, направления выделяется два основных методологических подхода к изучению топонимов: лингвистический анализ (рассматривается становление языковой принадлежности имен, выявляются фонетические и фонематические закономерности, морфологические чередования, структурные типы и т.д.) и экстралингвистический анализ (изучается история возникновения объектов, изменение их названий, перенесение названий известных объектов на другие, хронология географических открытий и передвижения племен и народов и т.д.) [1]. Другое направление, антропоцентрическое, рассматривает имена собственные в тесной связи с мышлением человека, культурой народа. В рамках данного направления А.С. Щербак выделяет четыре подхода к изучению ономастики: лингвокультурологический (в центре внимания оказываются особо известные имена собственные, маркированные национальной культурой), этнолингвистический (нацелен на выявление национально-культурной специфики в структуре языкового знака), психолингвистический (рассматривает значение имени собственного как результат отражения действительности сознанием человека) и когнитивный (изучает задействованность ономов в мыслительной деятельности человека, способность сохранять языковые и энциклопедические знания) [2].

Обосновывая необходимость изучения топонимов в рамках антропоцентрического направления, можно указать на то, что географическое пространство играет ключевую роль в жизнедеятельности человека, в познании им окружающего мира: человек не мыслит себя вне пространства, вне определенной среды. Топонимы участвуют в моделировании картины мира, во всяком случае, того ее фрагмента, который связан с концептуализацией пространства. Кроме того, существуя и функционируя на протяжении долгого времени, топонимы обретают способность вбирать в себя информацию об истории, социальной жизни, материальной и духовной культуре народа. То есть, в топонимической картине мира отражается культура каждого народа. Все это приводит к необходимости изучать топонимы в контексте познания и отражения системы знаний о мире.

Представляется, что выяснение особенностей восприятия топонимов носителями определенной лингвокультуры важно как в теоретическом, так и в практическом плане. Во-первых, без учета концептуализации географического пространства представление о языковой картине мира будет неполным. Во-вторых, знание способов и особенностей концептуализации топонимов, особенностей их восприятия носителями языка позволяет целенаправленно формировать положительный образ населенного пункта.

Об актуальности и перспективности изучения топонимии в рамках антропоцентрического направления свидетельствует

увеличение количества исследований по данной проблематике. При анализе работ, посвященных лингвокультурному осмыслению топонимии, было выявлено, что топонимы рассматриваются в диахроническом (Россия, Москва, Петербург, Европа, Франция, Италия, Древний Рим в русской поэзии XIX – XX вв. [3]) и в синхронном аспектах (Голливуд, Рублевка, Чернобыль, Беслан [4]), в рамках одной лингвокультуры (Петербург в речевом поведении петербуржцев [5]) и в восприятии представителей другой лингвокультуры (Украина [6], Америка [7] в российских СМИ, Россия в американских СМИ [7]).

Можно отметить, что обычно в качестве объекта изучения выбираются широко известные топонимы, значимые в экономическом, культурном, социально-политическом планах, актуальные для всех носителей определенной лингвокультуры – все это позволяет рассматривать их как культурные концепты. Однако возникают вопросы: можно ли рассматривать как концепты менее известные, значимые лишь для жителей определенного региона ойконимы (наименования населенных пунктов), в чем заключаются особенности их структурной организации, процесса концептуализации. Данная статья, не претендуя на полноту анализа, является попыткой ответа на эти вопросы.

Одним из основных понятий лингвокультурного изучения ойконимов является концептуализация, которую мы, вслед за Н.Н. Болдыревым, определяем как процесс образования концептов, их формирования в сознании [8]. Под концептом понимается лингвоментальная сущность, единица хранения информации об актуальном или возможном положении вещей в мире (т.е. то, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира). Как отмечает Р.И. Павилёнис, концепты – это «смыслы, составляющие когнитивно базисные подсистемы мнения и знания» [9, с. 241, 102]. Концепты, репрезентирующие информацию, связанную с наименованием населенного пункта, мы называем ойконимическими.

К числу основных признаков лингвокультурных концептов С.Г. Воркачев относит этнокультурную отмеченность, вербализованность, дискретную целостность смысла, к дополнительным – переживаемость, семиотическую плотность, ориентированность на план выражения, этимологическую (культурную, когнитивную) память слова [10, с. 70].

На основе выделенных признаков лингвокультурных концептов выявим базовые характеристики ойконимических концептов.

Сначала рассмотрим такой концептуальный признак, как **этнокультурная отмеченность**. Ойконимы в процессе функционирования, не утрачивая основной, адресной, функции, становятся «хранителями» накопленной за время существования населенного пункта культурологической информации. То есть, они могут рассматриваться как явления культуры, отражающие этническую специфику.

Следующим признаком концепта является **вербализованность**. Ойконимические концепты могут вербализовываться языковыми единицами разного уровня. В то же время наблюдается однородность, стандартизация языкового оформления ойконимических концептов. Прежде всего, ойконимические концепты вербализуются ойконимами – теми словами, которые используются для обозначения населенных пунктов в официальной коммуникации. Кроме того, ойконимические концепты вербализуются посредством отойконимических образований: притяжательных прилагательных; наречий в значении сравнения, уподобления; существительных, номинирующих жителей. Это объясняется тем, что ойконимические концепты относятся к классу макроконцептов, т.е. они вбирают «в себя не только инвариант значений репрезентирующего слова, но и инвариант его словообразовательного гнезда и одновременно семантического поля» [11, с. 39].

Можно утверждать, что ойконимические концепты **многочисленны и отличаются дискретной целостностью**. В их содержании выявляется понятийный, образный, энциклопедический, этнокультурный и коммуникативно значимый компоненты.

Понятийная составляющая актуализируется как связь с денотатом: ойконим связан с именами нарицательными (город, село, деревня) родовыми отношениями, которые дают минимум языковой информации, необходимой для понимания слова.

Образный компонент ойконимических концептов носит перцептивный характер (образуется в результате восприятия). Помимо этого, в содержании концепта выявляется энциклопедическая информация. Она объединяет когнитивные признаки концепта, для возникновения которых не требуется обязательного личного опыта взаимодействия с номинируемым объектом.

Этнокультурный и коммуникативно значимый компоненты в структуре ойконимических концептов тесно связаны. Деятельность человека, в том числе коммуникативная, «вплетена» в пространственную среду, следовательно, коммуникативные потребности, коммуникативные ситуации в какой-то степени могут быть определяемы ею.

О **переживаемости** ойконимических концептов свидетельствует тот факт, что индивид может оценивать населенный пункт, испытывать по отношению к нему симпатию или антипатию.

Что касается **семиотической плотности**, то, хотя ойконимы как языковые единицы, обозначающие единичные объекты, не могут иметь лексических синонимов, однако они могут иметь стилистические синонимы или варианты названий (если населенный пункт был переименован). Кроме того, ойконимы могут описываться с помощью перифразы.

Ориентированность ойконимических концептов на **план выражения** обнаруживается в наличии у них синтагматических и парадигматических ассоциативных связей.

Этимологическое значение ойконима существенного значения не играет и наличествует только «на стадии его превращения из апеллятива в топоним, а потом выветривается окончательно» [12, с. 104]. Но впоследствии, в процессе своего существования, ойконим «обрастает» внеязыковой, в том числе культурной, информацией, «носителем» которой и становится имя собственное.

Итак, поскольку все вышеперечисленные признаки концепта мы находим в ойконимах, то можно положительно ответить на вопрос о возможности их концептуализации. Однако концептуализация ойконимов отличается от концептуализации абстрактных понятий. Выделим ряд специфических особенностей этого процесса, проанализировав фразеологические единицы (ФЕ) и данные ассоциативного эксперимента.

В состав анализируемых ФЕ (всего 677) вошли пословицы, поговорки, афоризмы, в которых употреблен либо непосредственно ойконим, либо отойконимическое образование. Сбор материала производился методом сплошной выборки из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля [13], «Толкового словаря крылатых слов и выражений» А. Кирсановой [14].

При проведении ассоциативного эксперимента испытуемым предлагалось заполнить бланк, записав первое слово, которое без размышления приходит на ум при прочтении ойконима. Всего в эксперименте участвовало 103 респондента, жителей г. Бийска, от 18 до 54 лет: 43% мужчин и 57% женщин. В результате получено 1413 различных ассоциаций на 14 слов-стимулов. В список ойконимов наряду с широко известными, общезначимыми мы включили и менее известные, регионально значимые

имена. Обработка полученных реакций состояла в построении ассоциативного поля исследуемого слова-стимула, представляющего собой перечисление ассоциатов, располагаемых по убыванию числа испытуемых.

Особенности вербализации. Говоря о вербализации ойконимических концептов, обозначающих крупные общеизвестные населенные пункты, можно отметить ряд особенностей. Во-первых, иногда названия крупных общеизвестных населенных пунктов в процессе функционирования в ФЕ частично утрачивают адресную функцию и употребляются как синоним слова «город»: *В городе (в Москве, Питере) рубят, по деревням (по городам) щепки летят. Шла коляда из Новгорода*.

Во-вторых, в ряде случаев, напротив, перифразы и другие ФЕ могут заменять употребление ойконима. То есть, носители языка, владея общеизвестной информацией, понимают, о каком ойкониме идет речь, даже без его непосредственного употребления: *Мать городов русских – Киев; Северная Пальмира, вторая Венеция, окно в Европу, северная столица, культурная столица – Санкт-Петербург; сердце России, столица нашей родины – Москва, Вечный город – Рим*.

Также наблюдается вариативность в номинации ойконимов и жителей населенных пунктов. Варианты ойконимов отражают фонетические (диалектные) и стилистические особенности (усечение, народные названия, перифразы): *Москва / Масква; Володимир / Владимир; Питер / Петербург / Северная Пальмира*. Варианты номинации жителей населенных пунктов носят грамматический характер: *архангельцы / архангелогородцы, воложане / вологодцы, вятчане / вятчики / вятчи* и т.д.

Наличие вариантов номинации свидетельствует об актуализации ценностного компонента, поскольку то, что играет существенную роль в жизни человека, получает многообразное обозначение в языке [15].

Особенности структуры концепта. В качестве одной из особенностей содержания региональных ойконимических концептов можно выделить неактуальность энциклопедической, этнокультурной информации. В ассоциации на регионально известные и значимые ойконимы данная информация представлена лишь в единичных реакциях: *Архангельск: Ломоносов – 6. Барнаул: первая паровая машина – 1. Бийск: крепость, Петр I – 1. Новосибирск: балетный город – 1. Томск: Томская губерния – 1*. Можно заметить, что ассоциации на данную группу ойконимов принципиально не зависят от личного опыта взаимодействия с денотатом (ср. реакции на *Архангельск, Бийск*).

В то же время в реакциях на общеизвестные ойконимы, которые воспринимаются информантами «энциклопедически» (т.е. как вполне известные объекты, но при этом остающиеся все же внешним, неосвоенным пространством), социально-культурная информация представлена в большем объеме, она более клиширована и менее разнообразна (*Киев: мать городов русских, Леся Украинка, Рюрик, Кий, княжество, памятники, князь, половица, древности – 1. Москва: столица нашей Родины, Третьяковка, Дм. Донской, Ленин – 1. Новгород: А. Невский – 2; вече, Поле-куликово, Владимир-князь – 1. Нью-Йорк: статуя свободы – 5; фильмы – 3; город контрастов, кино, Голливуд – 1. Париж: мода – 7; «Увидеть Париж и умереть» – 1. Рим: Гай Юлий, Цезарь, легенды и мифы древней Греции, древние греки, Римская империя, памятник, гуси, мода, неделя высокой моды – 1. Санкт-Петербург: Петр I – 9; Пушкин, культурная столица, культурный центр, культура, русский музей, памятники, Золотой век Екатерины, окно в Европу, вторая Венеция, Невский, всадник, Аврора, музей Екатерины I – 1*).

На стимулы, называющие малоизвестные города (*Гавана, Мадрид*), социально-культурная информация в ассоциациях отсутствует.

Таким образом, наличие этнокультурного компонента зависит от степени осведомленности носителя языковой культуры о культурно-историческом значении того или иного ойконима. В этом смысле возможность концептуализации регионально известных ойконимов получает территориальное ограничение, поскольку наименования небольших городов редко связываются с прецедентными текстами, фактами культуры, а традиции, обычаи, особенности быта и культуры известны лишь жителям того региона, где расположен этот город.

Другой особенностью концептуализации региональных ойконимов является актуальность коммуникативно значимого компонента в их структуре. Наибольшее количество такой информации мы видим в структуре регионально известных и значи-

мых ойконимических концептов. Например: *На Арать воровать, на Якшень продавать, в Мурашкино концы хоронить. Кострома – блудливая (веселая) сторона. В Суздале да в Муроме богу помолиться, в Вязниках погулять, в Шуе напиться* и т.д.

В данных ассоциативного эксперимента коммуникативно и личностно значимая информация актуализируется в реакциях, полученных на слова-стимулы, называющие хорошо знакомые респондентам населенные пункты (**Томск**: *учеба – 3; друзья, отрываться по полной программе, брат, живет (лучшая) подруга, был там, родственники, масса родни, воспоминания, хочу еще туда съездить – 1. Новосибирск*: *работа, родственники – 2; учеба, отдых, был там, мама, брат, в гости ездил, друг там учится, муж, родня была, хочу там жить, приятно бывать, люблю приезжать – 1. Барнаул*: *больница – 3; учеба, я был там – 2; подруга, работа, поступление в университет, живет моя подруга, был на соревнованиях, родня, была в лагере – 1. Бийск*: *дом – 10; родина моя – 9; наш родной город, родная сторона – 8; город, в котором живу, место жительства, я там живу, я здесь живу – 4; учеба, мой город – 3; работа, мой любимый город – 2; друзья, семья, мама, город, в котором я родилась, место проживания, родная дыра, родной край – 1).*

Как можно заметить, чем больше связей возникает у информанта с населенным пунктом и чем эти связи теснее, тем шире и разнообразнее представлен пласт коммуникативно значимой информации в структуре концепта.

Другая специфическая черта ценностного компонента структуры ойконимических концептов проявляется в том, что имена собственные являются своего рода этикетками, употребление которых актуализирует в сознании носителей языка базовые когнитивные категории («населенный пункт», «город», «деревня» и т.п.), ключевые концепты национальной культуры («пространство», «время», «мир», «свой-чужой» и т.д.). Остановимся подробнее на актуализации оппозиции «свой-чужой».

Концептуализация ойконимов связана с делением пространства на «свое» (освоенное, обжитое, жизненно важное, личностно значимое) и «чужое» (неосвоенное, неважное, незначимое). Причем данная оппозиция носит не только пространственный характер, но и охватывает нравы, законы, отношения между людьми.

Особенно ярко это проявляется в данных ассоциативного эксперимента. С концептом «чужой» связаны такие реакции, как *далеко, где-то далеко, далеко от нас, не был там, не знаю,*

заграница, мечта, хочется побывать, нерусь, враги, другое государство, плохо там, ничего особенного, другая жизнь, гужуки (Мадрид, Париж, Архангельск, Киев, Москва, Рим, Томск, Новосибирск).

Промежуточное положение (еще не освоенное, не «свое», но уже в какой-то мере знакомое, не «чужое») занимают реакции *я там жила, брат, тетя, детство, родители, подруга, родина, родственники, учеба, там учился брат, живет лучшая подруга, был там, был на соревнованиях, рядом, близко, хочу еще туда съездить, воспоминания, похож на Бийск, в гости ездил, друг там учится* (Барнаул, Новосибирск, Санкт-Петербург, Москва, Киев, Архангельск). Это, как правило, единичные реакции, связанные с опытом отдельных людей.

С концептом «свой» связаны реакции типа *дом, семья, друзья, мама; город, в котором я родилась; жизнь, место проживания, работа; город, в котором я живу; много всего интересного, всегда хочется сюда приезжать, родина моя, родной край, родная дыра, наш родной город, родная сторона, мой любимый город, мой город* (Бийск). Здесь связь с концептом «свой» носит массовый характер.

Особенности функционирования. Ойконимы (особенно малоизвестные широкому кругу лиц) несут в себе регионально значимую информацию, а значит, и концептуализироваться они будут лишь (или преимущественно) на уровне региональной языковой личности (аспект языковой личности, отражающий специфику региональной картины мира), проживающей некоторое время на территории определенного региона. Иначе говоря, реализация потенциала региональных ойконимических концептов тем выше, чем в более узкой среде они используются.

На основании вышеизложенного мы можем сделать вывод о том, что ойконимы могут концептуализироваться, если индивид обладает информацией о населенном пункте. Потенциал концептуализации ойконимов различен. Он зависит от известности, широты среды употребления ойконима, его значимости для языковой личности, которая определяется степенью освоения территории, наличия личного опыта, связанного с тем или иным населенным пунктом.

Выявление путей и способов формирования ойконимических концептов, более детальная разработка модели ойконимического концепта открывают дальнейшие теоретические и практические перспективы современного лингвокультурного исследования ойконимии.

Библиографический список

1. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного. – М., 2007.
2. Щербак, А.С. Ономастический концепт как единица знания // Концептуализация мира в языке. – Москва; Тамбов, 2009. – Вып. IV. – Серия «Когнитивные исследования языка».
3. Зиновьева, О.А. Концептуализация ключевых географических объектов в русской поэзии XIX–начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009.
4. Крюкова, И.В. Концептуализация топонима в русском языковом сознании // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». – 2010. – № 5 (10).
5. Кириченко, О.К. Концепт «Петербург» в речевом обиходе города: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2005.
6. Пименова, М.В. Концепт «Украина» (на материале российских СМИ) // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 2 (22).
7. Антология концептов: в 2 т. / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград, 2005. – Т. 2.
8. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1.
9. Павилёнис, Р.И. Язык. Смысл. Понимание // Язык. Наука. Философия. Логико-методологический и семиотический анализ. – Вильнюс, 1986.
10. Воркачёв, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М., 2004.
11. Убийко, В.И. Концептосфера человека в семантическом пространстве языка // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 5.
12. Керт, Г.М. Информационные технологии в исследовании топонимии / Г.М. Керт, В.Т. Вдовицын // Вопросы языкознания. – 2005. – № 3.
13. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1995.
14. Толковый словарь крылатых слов и выражений / Автор-составитель А. Кирсанова. – М., 2003.
15. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград; Архангельск, 1996.

Bibliography

1. Superanskaya, A.V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. – M., 2007.
2. Shcherbak, A.S. Onomasticheskiy koncept kak edinitsa znaniya // Konceptualizatsiya mira v yazyhke. – Moskva; Tambov, 2009. – Vihp. IV. – Seriya «Kognitivnihe issledovaniya yazyhka».
3. Zinovjeva, O.A. Konceptualizatsiya klyuchevihkh geograficheskikh objektiv v russkoy poezii XIX–nachala XX vv.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Voronezh, 2009.
4. Kryukova, I.V. Konceptualizatsiya toponima v russkom yazykovom soznanii // Ehlektronniy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal VGPU «Grani poznaniya». – 2010. – № 5 (10).
5. Kirichenko, O.K. Koncept «Peterburg» v rechevom obikhode goroda: dis. ... kand. filol. nauk. – SPb., 2005.
6. Pimenova, M.V. Koncept «Ukraina» (na materiale rossijskikh SMI) // Politicheskaya lingvistika. – Ekaterinburg, 2007. – Vihp. 2 (22).
7. Antologiya konceptov: v 2 t. / pod red. V.I. Karasika, I.A. Sternina. – Volgograd, 2005. – T. 2.
8. Boldihrev, N.N. Konceptualnoye prostranstvo kognitivnoy lingvistiki // Voprosih kognitivnoy lingvistiki. – 2004. – № 1.
9. Pavilyonis, R.I. Yazikh. Smihsl. Ponimanie // Yazikh. Nauka. Filosofiya. Logiko-metodologicheskij i semioticheskij analiz. – Vilnyus, 1986.

10. Vorkachyov, S.G. Schastje kak lingvokulturnihy koncept. – M., 2004.
11. Ubijko, V.I. Konceptosfera cheloveka v semanticheskom prostranstve yazihka // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2004. – № 5.
12. Kert, G.M. Informacionnihe tehnologii v issledovanii toponimii / G.M. Kert, V.T. Vdovicihn // Voprosih yazihkoznaniya. – 2005. – № 3.
13. Dalj, V.I. Tolkovihy slovarj zhivogo velikoruskogo yazihka: v 4 t. – M., 1995.
14. Tolkovihy slovarj krihatihk slov i vihrazheniy / Avtor–sostavitelj A. Kirsanova. – M., 2003.
15. Karasik, V.I. Kuljturnihe dominantih v yazihke // Yazihkovaya lichnostj: kuljturnihe konceptih: sb. nauch. tr. – Volgograd; Arkhangeljsk, 1996. *Статья поступила в редакцию 10.01.12*

УДК 811.161.1+81.271.2+81.38

Dobrya M.Ya. **THE PROBLEM FIELD OF ELOCUTIVE UTTERANCES' STUDY IN CHILDREN SPEECH.** The article deals with a number of factors determining the problem field of elocutive utterances' study in children's speech. The study of their influencing, estimating and figurative functions is based in connection with the identification of elocutive means' pragmatic properties in children's speech.

Key words: children's speech, elocutive utterance, expressiveness, figurativeness, pragmatic utterance potential.

М.Я. Добря, канд. филол. наук, ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова», г. Абакан, E-mail: m.dobrya@mail.ru

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛОКУТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается ряд факторов, определяющих проблемное поле исследования элокутивных высказываний в детской речи. Обосновывается изучение их воздействующей, оценочной, а также образной функций в связи с выявлением прагматических свойств элокутивных средств в детской речи.

Ключевые слова: детская речь, элокутивное высказывание, выразительность, образность, прагматический потенциал высказывания.

Детская речь изучается давно и достаточно успешно. Она является объектом изучения лингвистики, психологии, физиологии, когнитивной науки, социологии, философии. В последние годы активно развивается онтолингвистика – раздел лингвистики, изучающий онтогенез речи и детскую речь.

Ученых интересуют разные аспекты детского языка и речи: своеобразие его системности, особенности употребления различных языковых единиц, представленных различными уровнями языка, исследования проблематики языковых обобщений (М.Д. Воейкова, Н.В. Гагарина, Т.А. Гридина, Н.И. Лепская, Е.Ю. Протасова, С.Н. Цейтлин, А.М. Шахнарович, Н.М. Юрьева, Л. Блум, Д.И. Слобин, М. Томазелло и др.).

А.Н. Гвоздев, исследуя речь своего сына, в течение длительного времени наблюдал и фиксировал языковые факты, в своей книге указывает на основные особенности детского языка (речи):

- детский язык развивается под воздействием языка взрослых (окружающей среды);
- освоение детьми родного языка происходит в определенной последовательности, с проявлением общих закономерностей овладения языком у всех детей и потому, используя разными детьми, обладает одними и теми же свойствами и характеристиками;
- развитие языка ребенка детерминировано общими психофизиологическими условиями, которые проявляются у всех людей и кладут отпечаток на структуру языка [1].

Как отмечает С.Н. Цейтлин, «возможно два, по крайней мере, аспекта рассмотрения языковых явлений в речи ребенка: 1) подход к ним с позиций сложившейся языковой системы взрослого человека, который основан на сопоставлении единиц и категорий детского языка с единицами и категориями языка взрослых, и 2) подход с позиций детской языковой системы, рассматриваемой как до известной степени автономный объект, имеющий свои единицы и собственную структуру» [2, с. 276-277].

Выявление механизмов осмысления, особенностей употребления и производства элокутивных высказываний позволяет ответить на вопрос, «как именно приобретает ребенок к отработанному тысячелетиями опыту человечества, к процессу речевой деятельности» [3, с. 13], какие способы использования элокутивных средств он предлагает, что, в свою очередь, позволит смоделировать пути дальнейшего развития овладения ребенком элокутивной системой языка в целом.

Актуальность исследования прагматических свойств элокутивных средств детской речи определяется рядом факторов.

Во-первых, коммуникативное пространство детской речи оказывается сосредоточением для освоения и использования ребенком новых средств речевого выражения.

Во-вторых, под влиянием определенных коммуникативных установок и целей общения элокутивные высказывания в речи ребенка осваиваются как инвариантные и далее получают соответствующее преломление, которое, без сомнения, заслуживает лингвистического исследования.

Кроме того, изучение элокутивной организации детской речи позволяет выявить когнитивные и психолингвистические механизмы построения высказывания, а также определить его прагматический эффект, который может или не может быть достигнут в результате использования ребенком элокутивных средств языка.

В связи с этим выявление прагматических свойств элокутивных средств в детской речи связано с изучением их воздействующей, эстетической, оценочной, а также эмотивной и образной функций.

Изучению образных языковых средств и фигур речи как элокутивных средств посвящены труды В.В. Виноградова, В.Г. Гака, Б.М. Гаспарова, А.П. Квятковского, И.В. Пекарской, Д.Э. Розенталя, А.П. Сковородникова, Ю.М. Скребнева, В.К. Харченко и ряда других лингвистов.

Элокуция как этап риторического канона «состоит в словесном оформлении мысли, что подразумевает выбор стиля речи, речевого жанра и языковых средств в соответствии с коммуникативным намерением говорящего (пишущего), содержанием речи и речевой ситуацией» [4, с. 769]. «В сущности же элокуция изначально давала рекомендации довольно широкого спектра и апеллировала к таким категориям, как: *artum* – подбор целесообразных языковых средств, *puritas* – грамматическая правильность, *perspicuitas* – ясность мысли, *ornatus* – красота выражения» [5, с. 174]. «Красота выражения» и достигается использованием элокутивных средств, к которым традиционно причисляются тропы и фигуры речи.

Рассматривая специфику элокутивного высказывания в детской речи, следует подчеркнуть, что его исследование требует, прежде всего, определения таких его составляющих, как выразительность, экспрессивность, образность, эмотивность. Достаточно подробный анализ данных терминов в их соотношении проведен И.В. Пекарской в рамках представленной ею терминосистемы элокутивных понятий [6].

Вслед за И.В. Пекарской, следует отметить, что понятие выразительности в лингвистической литературе имеет достаточно широкие и порой размытые толкования. Чаще всего об-